

ДРУГАЯ СТОРОНА

Джоанна Викери, эксперт по рынку русского искусства, 20 лет проработавшая в Sotheby's, показала нам свой дом в Лондоне и рассказала, как воспринимается русское искусство на Западе.

Текст АЛЕКСЕЙ ДОРОЖКИН, ПОЛИНА ЧЕСОВА
Фото НИККИ ХИНТОН (NIKKI HINTON)

Гостиная. Над камином с восстановленным порталом Викторианской эпохи — картина кубинской арт-группы «Лос Карпинтерос» Carreteras de Aire, 2003. Бронзовая скульптура Роберто Фабело Woman with Birds, 2012. Банкетка Dagonet Bench, Visionnaire. Диван Grazia, Natuzzi Editions. Над ним — картина Фрэнк Мухики The Moon, 2013. Пара кресел, Andrew Martin.

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ 1 Кухонная столешница и фартук выложены натуральным кварцитом San Simone. Слева — картина Освальдо Агилара Vertigo. 2 Джоанна Викери. НА СТРАНИЦЕ СПРАВА Внутренний двор примыкает к кухне.

Окна этой квартиры смотрят сразу на несколько знаковых сооружений Лондона: колесо обозрения «Лондонский глаз», небоскреб Шард, электростанцию «Баттерси». А на стенах — собрание современного русского искусства.

Хозяйка дома Джоанна Викери — эксперт по рынку русского искусства — 20 лет проработала в Sotheby's. К слову, несколько лет мы были с ней коллегами, так что разговор пойдет по душам.

АЛЕКСЕЙ ДОРОЖКИН Джо, я хорошо помню твой холостяцкий дом. Расскажи о новом семейном доме.

ДЖОАННА ВИКЕРИ Как видишь, это снова старый террасный викторианский дом. Так что в смысле пропорций и архитектуры они очень похожи. Но интерьер отличается кардинально. Его дизайн разработал мой муж Альфонсо Карвахаль с учетом вкусов всех членов семьи. И если моя холостяцкая кухня походила скорее на пункт разогрева готовой еды, то теперь это — сердце дома, где мы с двумя дочерьми Изабель и Амелией проводим основную часть времени. Это яркое большое пространство с чудесным видом на двор церкви Святого Михаила, откуда до нас доносятся звуки службы.

Как ты его нашла?

Мы сразу определили для себя район Баттерси — на юге Лондона, недалеко от Темзы. Нам обоим нравится его знаменитая электростанция, узкие улицы с викторианскими домами из красного кирпича. На первый взгляд они все кажутся одинаковыми. Но нам повезло найти нечто особенное: взобравшись на чердак, Альфонсо увидел, что из крохотного окошка открывается захватывающая панорама всех

Кухня-столовая. Резной дубовый стол, Англия, 1800-е годы. Над ним — картина Карлоса Кинтаны Shipwreck, 2008. Стулья Mimi, Timothy Oulton. Слева — металлический барельеф 1960-х годов с изображением советских космонавтов, найденный на рынке в Баку. Справа над буфетом — работа Олега Доу Tight 2, 2007. Пол из полированного бетона, Lazenby.

«НАШ СВАДЕБНЫЙ ТОРТ БЫЛ ТОЧНОЙ КОПИЕЙ «ЧЕРНОГО КВАДРАТА» МАЛЕВИЧА, ВПЛОТЬ ДО КРАКЕЛЮРОВ»

«КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ САМО ПО СЕБЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТВОРЧЕСТВОМ»

культовых зданий Лондона: «Только представь, какой вид мы получим, если надстроим еще два этажа!» Разумеется, именно так мы и сделали. При этом окна нижних комнат выходят на прекрасный парк и пруд с утками. Просыпаясь под их веселое кряканье, мы чувствуем себя словно в деревне.

Как появилась идея интерьера?

Дом построен в 1890-х годах, и мы хотели сохранить верность поздней Викторианской эпохе и в то же время поиграть с дихотомией жизни и отдать должное прогрессу. Таким образом, переднюю часть дома оформили с отсылкой к викторианским традициям. Вентиляционные решетки смоделировали по образцу каменного декора церкви Святого Михаила, аутентичные чугунные колонны для кухни привезли из Испании. Но в оформлении верхних этажей и подвала мы решили себя не сдерживать. Мы оба любим ар-деко, не особенно популярное в Англии, и в полной мере наигрались с ним, создавая роскошную атмосферу медиазала. Он кажется очень небританским, но отражает наш космополитизм. Чердак с великолепным видом на Лондон — наш гостевой оазис. Здесь царят насыщенные оттенки: темно-синие, почти черные стены, обои с яркими принтами и блеск латунных деталей.

Твой муж — бывший пилот, ставший дизайнером интерьеров. Вот это поворот!

У моего мужа всегда была страсть к архитектуре. Если он не летал, то читал журналы по дизайну интерьера. Альфонсо с детства любил ходить посередине улицы, чтобы видеть фасады сразу двух сторон. Но его отец не одобрял увлечение архитектурой и хотел, чтобы сын стал юристом. В какой-то момент даже уверял его в том, что архитектор обязан знать химию — предмет, который Альфонсо ненавидел. Во время пандемии он поступил в лондонский Chelsea College of Arts и наконец-то превратил хобби в профессию.

Каким было твое участие в процессе проектирования?

Хотя проект дома был создан Альфонсо, некоторые детали сделаны специально для меня. Фрамужное «окно Малевича» на нашей входной двери стало особым русским штрихом, отражающим мою любовь к этому художнику. Когда мы поженились в Мадриде (родном городе моего мужа) в 2015 году, «Черный квадрат» как раз отмечал свое столетие. И мы заказали свадебный торт в виде точной копии этой картины, вплоть до кракелюров. Невероятно романтично!

Расскажи об искусстве в вашем доме. Много вещей пришло из твоей предыдущей квартиры. Но что нового?

Едва начав жить вместе, мы с мужем теперь уже вместе продолжили коллекционировать искусство. Источником вдохновения стал совместный отпуск на Кубе. Там мы познакомились и подружились с Фрэнком Мухикой. Его работа стала первым совместным приобретением и теперь висит в нашей спальне. Меня всегда очень волновали эстетические связи между кубинским и русским искусством. По рекомендации Эмили Кабаковой мы регулярно посещаем художественные студии и выставки в Гаване, заодно отслеживаем тематические аукционы в Нью-Йорке и Европе. Недавно нашу коллекцию пополнил автопортрет Рене Франсиско в образе молодого боксера, написанный на куске холста боксерского ринга, — работа, за которой мы долго охотились.

Каковы ваши предпочтения в искусстве? Вы иногда разочаровываетесь в вещах, которыми владеете долгое время?

Как часто вы испытываете лихорадку от новых покупок?

Сейчас мы склонны покупать больше фигуративного искусства, чем абстрактного. Многие из наших работ имеют ярко выраженную русскую эстетику, например, «Атлантико» Александры Арречеа. В нашем доме в Мадриде есть работы Алисы Йоффе, Мануэля Мендиве. Коллекционирование само по себе является творчеством. Особое удовольствие — следить за тем, как твоя коллекция развивается и обретает индивидуальность. Со временем одни работы словно прорастают через меня, и я к ним сильно привязываюсь, с другими такого не происходит — это те, которые я, вероятно, продам.

Какие у тебя планы после ухода из Sotheby's?

Теперь у меня есть свое агентство Vickery Art, я напрямую сотрудничаю с коллекционерами, учреждениями культуры и художниками, такими как Алиса Йоффе и Дэвид Брейер-Вейль. Я работаю с импрессионистами и современным европейским и американским искусством, а также со всеми периодами русского искусства. Став главным редактором онлайн-журнала Russian Art Focus, я получила новую возможность поддерживать российское современное искусство. Это отличная инициатива, и я горжусь тем, что могу помочь распространять больше информации о российском современном искусстве за пределами России, где о нем мало что известно. Это стало чем-то вроде личной миссии.

Ты один из немногих послов современного русского искусства за рубежом. Что в нем особенного для тебя?

Я была молодым экспертом в Sotheby's в конце 1990-х, тогда же начала знакомиться с российскими андеграундными художниками. Несколько лет спустя я включила некоторые работы на аукцион. Сначала в качестве эксперимента, поскольку никто другой в то время этого не делал, затем и с целью помочь талантливым художникам пробиться на Запад. В то же время я чувствовала, что нарратив инакомыслия часто помещал этих художников в своего рода голубятню, даже после эмиграции и изменений в социально-политическом плане их по-прежнему нельзя было рассматривать на равных с западными коллегами. Слишком много внимания уделялось первоначальному контексту, что, как я полагаю, сделало русское искусство трудным для понимания во всем мире.

Что нужно для того, чтобы российское современное искусство стало по-настоящему интернациональным?

Больше всего на свете современному русскому искусству нужно внимание. Сейчас оно словно нелюбимый ребенок, который вечно стоит в тени более успешных сестер. Современные российские художники не представлены на международных аукционах и арт-ярмарках. Ни в одном крупном музее за пределами России не проводится серьезных исследований современного русского искусства. И даже в России публика более расположена к классическому искусству XIX века. Люди за пределами России плохо представляют себе национальную арт-сцену, насколько она яркая и разнообразная. Я пытаюсь немного изменить ситуацию и чувствую, что в состоянии сделать что-то позитивное.

www.vickery.art, www.carvajal.global

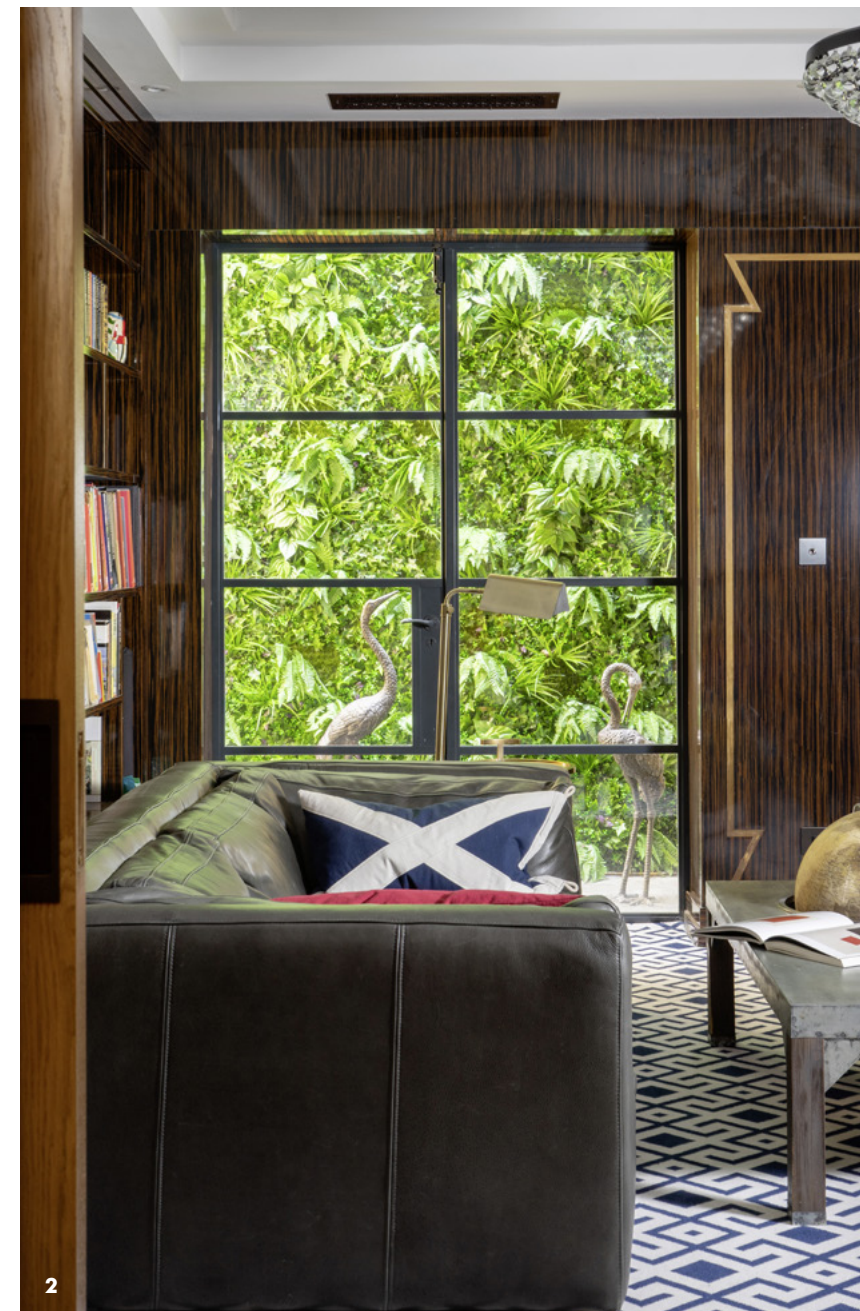
Фрагмент гостиной. Над японским шкафом — работа Александра Яковлева *Man Wearing a Telpek*. Краска для стен Prussian, Zoffany.

1

3

2

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ 1 Отдельно стоящая ванна, Hoesch Namur. 2 Кожаный диван, Timothy Oulton. 3 Обои Savuti из коллекции Ardmore от Cole & Son. Краска для стен Prussian от Zoffany. **НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА** Кабинет. Стол Globe, Andrew Martin. Картина Фрэнка Мухики The Lake, 2013. Винная комната, Sorrells-Wineracks. Столярные изделия сделаны на заказ, Ben Joseph Joinery.

Спальня хозяев. Кровать с балдахином, French Bedroom Company. На стене в изголовье — картина Карлоса Кинтаны The Three Musketeers, D'Artagnan Escaped, 2013. Прикроватные тумбочки Hip от Ока. Подвесной светильник Babar, дизайн Андреа Лукателло, Cattelan Italia. Основания настольных ламп, Casa Puro. Абажуры и наволочки, House of Hackney.

«НЕКОТОРЫЕ КАРТИНЫ СЛОВНО
ПРОРАСТАЮТ ЧЕРЕЗ МЕНЯ,
ДРУГИЕ — НЕТ, И С НИМИ
Я, СКОРЕЕ ВСЕГО, РАССТАНУСЬ»